

— Альбина, опишите, пожалуйста, ваше первое впечатление при знакомстве с Владом.

— Я его не помню. Если оно и было, то от всех дальнейших наслаждений померкло. Даже если его восстановить — это неинтересно и довольно банально.

— Я как раз и говорю об этой разнице: каким вы увидели его впервые и каким он стал для вас потом...

— Когда мы познакомились, это был человек, который отвечал только за себя. С каким-то щепетильным ощущением студенческой легкости. Мы все, наверное, тогда были такими. А потом появилась структура, телекомпания. И уже через несколько лет Влад отвечал за работу огромного количества людей. С появлением ответственности человек меняется. Нужно было учиться быть дипломатом.

— Как произошел его разрыв с предыдущей семьей?

— Об этом может рассказать только Влад. Были мои проблемы, были его проблемы, но вешать их друг на друга не имело смысла.

— Общественный имидж телеведущего и его реальный облик — это две большие разницы. В жизни он существенно отличался от своего телеперсонажа?

— На мой взгляд, у Влада, безусловно, были неплохие актерские способности, которыми он пользовался очень редко. Он всегда был органичен и довольно искренен, кстати. Не думаю, что он пытался что-то создать или слепить. Он просто работал, как дышал. Во всяком случае, по ту сторону экрана я не видела ничего фальшивого, что бы меня покорило. Там был тот Влад, которого я знала.

— Как он вел себя с людьми, которые были ему неприятны?

— Во всяком случае, он не старался сделать хорошую мину при плохой игре. У него было еще одно удивительное качество — он никогда не говорил о людях плохо. Если ему что-то не нравилось, это можно было прочесть по глазам, но он никогда это не обсуждал. Не интересовался личной жизнью других. Он в разных людях уважал разные качества.

— Что в первую очередь?

— Ум, безусловно.

— А в женщинах?

— Я не сильно ошибусь, если скажу, что тоже ум. Или хотя бы его обозначение.

— Что, по-вашему, он умел делать лучше всего?

— Если б вы спросили — любил делать больше всего... Про работу мы не говорим, потому что это подразумевается. Водить машину. Играть в теннис. Делать друзьям, близким и просто знакомым подарки. Смотреть передачи о спорте.

— Насколько мне известно, он увлекался спортом...

— Увлечение — это когда человек два раза в неделю ходит в кружок. А Влад закончил спортивный интернат и до института жил в режиме профессионального спортсмена. Он был азартным человеком. Любил, когда у него что-то получается. Когда он начал заниматься теннисом, учился водить машину, то получал от этого колоссальное удовольствие, затрачивая довольно много энергии. Но эта энергия была положительная, она не выматывала, а давала силы.

— Он — сильный человек, человек-лидер, вам приходилось видеть его в минуты слабости или отчаяния?

— Для таких людей, как Влад, слабость может означать внутреннюю усталость. На данном промежутке времени до завтрашнего утра. Безусловно, у него была накопившаяся усталость от того, что происходило в "Останкино" за последний год. Эта усталость была от невозможности на 100 процентов использовать свой потенциал. Никому в телевизионной системе это было не нужно. Вот это Влада, пожалуй, бесило, но он постарался сделать все, чтоб изменить ситуацию. Если б это было уж совсем невозможно, Влад бы, наверное, отдал свои проекты на другой канал, другим людям.

— Есть расхожее выражение — незаменимых нет. Как вы можете объяснить ситуацию с программами Влада, которые при всей полной раскрутке уже не пользуются той бешеной популярностью, как это было при нем?

— Это несвязанные вещи. В большинстве случаев проекты, которые затевал Влад, являлись первыми в серии. Тот же Влад смотрел первые "Взгляды" — и не он один, все товарищи, — не иначе как со смехом. Ничего кроме внутреннего ужаса и содрогания у них это не вызывало. Все же учились, было другое телевидение. Сейчас Влад занимался бы другими проектами, наверное, сделал бы спортивную программу. Он мечтал об этом.

— А каким он был дома?

— Хорошим. Он очень любил, когда приходят гости. Есть люди, которые строят дом, чтобы в нем запереться. А есть люди, которые создают дом как территорию любви. И вот эту территорию мы с ним вдвоем создавали, распространяя ее и на тех, кто нам близок или интересен.

— На вечеринках все могли позволить себе рюмку-другую, а он в последнее время вынужден был ограничиваться безалкогольным пивом. Не напрягала ли его эта ситуация?

— Насчет безалкогольного пива — это не совсем так. И он мог позволить себе рюмку. Но Влад со временем научился отсекал все, что понижает коэффициент полезного действия. При этом продолжая получать от этого удовольствие, когда возможно. Я плохо представляю себе, как бы мы путешествовали по Италии, не заказав за обедом бокал красного вина. Это была бы другая Италия.

— В последнее время он отказался от частых выходов в свет. Вы не чувствовали себя затворницей?

— Для меня выход в свет ограничивается походом в Дом кино на вручение "Ники", когда людей больше, чем ты хочешь видеть. Это просто усталость от общения в течение дня. Хочется иногда отдохнуть. Поэтому, когда у нас появился дом, мы гораздо больше времени старались проводить там.

Я не могу себе представить ситуации, когда мне хочется куда-то пойти, а Владу не хочется. Или наоборот. Это относилось только к посещению спортивных мероприятий, которые он, слава Богу, смотрел по телевизору. Все. Это даже не обсуждалось, все было на уровне флюидов.

— Возникали ли ситуации, когда вам казалось, что ваш брак может распасться?

— Когда вместе живут два самостоятельных и материально не зависящих друг от друга человека, со своей прошлой жизнью, со своими тараканами в голове — это то, что делает жизнь инте-

ресней. Как-то у нас было совместное интервью — Влад говорил обо мне, я о Вlade. И журналистка не выдержала: "Что ж вы такие идеальные?! У вас нет никаких проблем". И Влад сказал: проблемы-то есть, только они решаются. Беда в семье — когда проблема зависает. Это же снежный ком, он нарастает. Может и раздавить.

Я могу сказать точно, что последние два года спор у нас не было вообще.

У меня есть друзья, которым я говорила последние полгода, что так хорошо не бывает. У Влада была одна молитва: "Господи! Чтобы не было хуже". Не нужно ничего больше, надо радоваться тому, что уже есть. Жизнь же такая короткая. Моя мама, которая намного меня старше, раньше никогда не понимала — о чем это я. Как выяснилось, жизнь действительно очень короткая.

— Вы когда-нибудь разговаривали с ним о смерти?

— Единственный раз. Несмотря на то, что семья у меня московская, у нас не было места на кладбище. Поэтому, когда умерла моя бабушка, место для нее "выбывал" Влад. Он ходил по кладбищу с директором... Я понимаю, что Влад выбирал место для меня. Зная, что это моя семья. Он

— Не возникали ли у вас опасения, что бизнес, которым занимается Влад, может стоить ему жизни?

— Если бы у кого-то из нас, близких людей, возникло такое опасение, мы бы сделали все, чтобы этого не произошло. Влад всегда был уверен, что все-таки один человек ничего не решает. Решает команда. Но, видимо, кто-то думал по-другому.

— Как вы относитесь к высказыванию, промелькнувшему в каком-то издании, что телеведущих не убивают, убивают бизнесменов?

— Смотря о чем этот телеведущий делает программу. Что, конечно, к Владу не относится, потому что в своей профессии он всегда старался быть подальше от политики. Нет, я думаю, что и с бизнесменом можно договориться. Здесь что-то другое.

— После его гибели стали возникать слухи, что Влад был супербогатым человеком...

— Где человек, там и слухи, никуда от этого не денешься. Вон Саша Любимов в свое время попал в десятку самых богатых людей страны. Хочу вам сказать, что состояния ему это не прибави-

плохого, я общалась лишь с предыдущей группой. Но когда люди через два года после смерти человека спрашивают у близких: "А не было ли у Влада карточных долгов, к примеру?", очень тяжело после этого любить родину. Потому что это люди, находящиеся на непосредственной службе у родины. Защищающие интересы ее граждан. Нам говорят: "Вы ж понимаете, что Влад жил не по средствам". Иметь квартиру и машину для человека, который 24 часа проводил на работе и руководил компанией с громадным оборотом — это жить не по средствам?!

Конечно, нужно отбрасывать все версии, начиная с бытовой. Они профессионально вынуждены одно за другим отсекают все направления, оставляя главное. И я могу понять, когда это происходит первые три месяца, но когда проходит два года! И то, что сейчас происходит в печати с тем же Борисом Березовским, — все очень неприятно. Шито белыми нитками, открыто и в результате глупо. Потому что все тайные причины рано или поздно становятся явными.

Вот поэтому у меня нет внутренних сил общаться с такими следователями и никогда не найдется. Мне такой контакт становится неинтересен.

# ДЕЛО ЕГО СМЕРТИ

Альбина НАЗИМОВА: "После всего этого мне сложно любить родину"



**"В**чера вечером в подъезде своего дома по Новокузнецкой улице выстрелом в голову был убит тележурналист Владислав Листьев..."

В коротком информационном блоке фраза прозвучала буднично и деловито вкупе с другими новостями. А мне показалось, что я чего-то не так поняла. Это было рано утром, два года назад.

Останкинская телебашня — как самый неприступный восьмистысячник. Его штурмуют с одержимостью настоящих скалолазов. Поодиночке или в связке. Как наркотик глотают разреженный воздух, в котором мало кислорода. Срываются, падают. Снова стремятся вверх. Покорение этой высоты стало делом его жизни. И смерти.

Гибель мгновенно перенесла его в ряд жертв. Здесь любят признавать своих героев только после смерти. Влада эта участь минула. Он не был жертвой. Он любил и умел быть победителем.

Предложение вспомнить Влада в этот день, вспомнить, каким он был, его вдова Альбина встретила сдержанно: "Я человек совсем не откровенный. Я должна понимать — зачем, я должна видеть смысл..." В памяти, как и в любви, пожалуй, сложно отыскать целостность. И то, и другое причиняет боль. И то, и другое продолжает жизнь.

— Когда погибла мама Влада, у вас не возникло ощущения...

— Никакого ощущения не возникло! Это дорожно-транспортное происшествие. Мы все под Богом ходим, а его пути неисповедимы.

— Какие отношения у вас с людьми, имена которых так или иначе склонялись в связи с убийством Влада? Я имею в виду Березовского и Лисовского.

— С Лисовским никаких отношений, потому что их никогда не было ни у Влада, ни у меня. А с Борисом Абрамовичем у меня хорошие отношения, в пределах возможного. Во всяком случае, они человеческие.

— Хотелось бы вернуться к вашей фразе о том, что акции ВИДа, принадлежавшие Владу, перешли не к вам, а к ВИДУ.

— Ну как вы думаете, какую пользу могут принести акции компании, которая занята производством?

— Но акции — это частная собственность, а ее наследуют родные и близкие. Может быть, в контракте Влада с компанией был пункт, куда переходят акции при определенных обстоятельствах?

— Да нет, никто не собирался умирать. И никаких пунктов не ставил. Просто у нас представление об акционировании на уровне мыльных опер и банковских судебных процессов. К производственным делам это имеет очень косвенное отношение. Ну вот есть у вас дома эта бумажка — куда вы ее денете? Заберете видеокамеру домой, попользуетесь?

— Ценные бумаги, насколько мне известно, определяют дивиденды их владельцев...

— Телекомпания ВИД — акционерное общество тех, кто там работает. Это совершенно другое дело. Это возможность управлять процессом. И если ты не понимаешь в этом процессе ничего и не в состоянии его улучшить, то сидеть и получать дивиденды нерационально.

— Альбина, вы действительно переехали с квартиры на Новокузнецкой, потому что не можете заходить в тот подъезд?

— Формула, которую мы называли, — как дважды два четыре. А здесь какие-то более сложные математические формулы. Это и так, и не так. Все, что было в плюс, поменялось на минус. Мы очень любили свою старую квартиру. И район нам нравился. И все нам нравилось. А сейчас я попадаю в тот квартал — и мне уже не по себе.

Катя ПРЯНИК.  
Фото Александра АСТАФЬЕВА.

выбрал участок земли с кустом черемухи. Очень красивый. А потом мы ездили во Францию с Виталием Яковлевичем Вульфом, были на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Увидели могилу Нуриева без надгробия, а ведь прошло уже два года с его смерти. Заговорили об этом. И Влад сказал: "Виталий Яковлевич, а я Альке выбрал место". Как-то так легко, без внутренней тяжести. Виталий Яковлевич ему: "Влад, вы такой молодой человек, как вы можете вообще про это думать?" Влад не ответил ничего, а потом добавил: "А я еще неизвестно, где буду лежать".

— Вспоминаю какие-то события, прокручивая в голове его фразы, вы не ловили себя на мысли, что он предчувствовал собственную гибель?

— В каком-то смысле я всегда была фаталисткой. Слишком много было отпущено: ему вообще и нам вдвоем.

Когда Влад соглашался быть генеральным директором ОРТ, он не был человеком, который не понимает, за что берется. Выбор был очень непростой, но не думаю, что он что-то предчувствовал. Инстинкт самосохранения есть у любого человека, но у Влада еще и с головой все было очень хорошо. Он никогда не докисхотствовал. Нет. Просто чего-то мы все не учли. Не один Влад — мы все.

— Обсуждал ли он с вами, чем занят на работе? Насколько вы были в курсе его дел?

— Конечно, обсуждал. Так же, как он был в курсе, как я провела день, точно так же я знала, чем занимался он.

ло. Сложно же поверить, что у Лени Якубовича нет дома в Подмосковье. А когда его спрашивают: правда, что у вас пять домов и два самолета, он говорит: да, только не пять, а семь. На фиг доказывать, что ты не верблюд. Никто не видел ничего особенного в том, что Влад живет в гостинице, будучи москвичом. И пока он не заработал на квартиру, ее у него и не было.

— Есть ли у вас своя версия убийства? Не пытались ли вы провести частное расследование?

— Своя версия, думаю, существует у всех, включая следователя. Во всяком случае, если она и есть, то она останется при мне.

— Но, по крайней мере, если не фактическое, то образное ее описание...

— Я думаю, она в одном: Влад, соглашаясь на эту работу, хотел, чтобы деньги, которые приносит телевидение, работали не на кого-то, а на само телевидение.

— Вы сказали, что свою версию оставляете при себе. Но, наверное, какими-то соображениями все же делились со следствием. Какие-то из официальных версий кажутся вам правдоподобными или перспективными?

— Я не обладаю всей полнотой информации, но пока складывается впечатление, что эти люди все время ждут подсказки или шпаргалки. Меня бесит, что его смертью пытаются решить свои проблемы. Сейчас покатились очередная волна — начиная со следственной группы, которую сменили. Мне не хотелось бы говорить о них ничего

1.03.99

Судантис Астас

Моск. комсомолец. - 1997. - 1 марта. - С. 2.